

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ADVENTUS SAXONUM И ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В АНГЛОСАКСОНСКОЙ АНГЛИИ

И. О. Евтухов

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, Ewtuhow@bsu.by

Автор рассматривает формирование локального пространства англосаксонской Англии, которое началось после англосаксонского завоевания. Он доказывает, что прибывшие племена не использовали сложившуюся на острове римско-бриттскую инфраструктуру. Они формировали окружающее их пространство, исходя из собственных предпочтений. При этом проводилось зонирование пространства (определение его межзональных и внешних границ). Пространство страны включало в себя отдельные территории, имевшие законодательно закреплённый статус: резиденции, укрепления, деревни, дворы. Центром была королевская резиденция. Отдельную систему составляло пространство опеки, обозначенное термином *mundbyrd*.

Ключевые слова: Adventus Saxonum; англо-саксонское завоевание; формирование локального пространства; межзональные границы; пространство опеки (*mundbyrd*).

ADVENTUS SAXONUM AND FORMATION OF LOCAL SPACE IN ANGLO-SAXON ENGLAND

I. Evtukhov

Belarusian State University, Minsk, Belarus, Ewtuhow@bsu.by

The author analyzes the formation of the local space of Anglo-Saxon England, which began after the Anglo-Saxon conquest. He proves that the tribes who arrived did not use the Roman-Britons infrastructure that had developed on the island. They shaped the space around them based on their own preferences. At the same time, zoning of the space was carried out (determination of its interzonal and external boundaries). The country's space included separate territories that had a legally fixed status: residences, fortifications, villages, courtyards. The center was the royal residence. A separate system was the guardianship space, designated by the term *mundbyrd*.

Keywords: Adventus Saxonum; Anglo-Saxon conquest; formation of local space; interzonal boundaries; guardianship space (*mundbyrd*).

Adventus Saxonum. Со ссылкой на «Церковную историю народа англов» [1] Беда Достопочтенного в связи с завоеванием Британии, как правило, называются племена англов, саксов и ютов (I, 15). Однако, тот же историк, в том же сочинении приводит более пространственный список племен, принявших участие в завоевании. Беда, рассказывая о миссионерских планах Эгберта, отмечает, что «в Германии многие обитают народы, от которых англов и саксов, которые ныне живут в Британии, род и происхождение выводят... Это фризы, ругины, даны, гунны, древние саксы и боруктуары» (V, 9).

Место высадки определяется с опорой на запись под 449 годом в «Англосаксонской хронике»: Эббсфлит (On heora dagum Hengest 7 Horsa fram Wyrhtgeorne gelafode, Brytta kyninge, gesohton Brytene on ðam stede þe is genemned **Hypwinesfleot...**) [2, p. 28]. Кит Бриггс уточняет, что существовали два места с

одним названием, Эббсфлит, на расстоянии 75 км друг от друга, но оба на кентской территории [3]. В то же время более логичной выглядит высадка на территории будущей Восточной Англии (земли пиктов расположены очень далеко от Кента).

Постановка проблемы и исследовательская гипотеза. Археологические данные, связанные с общей картиной расселения англосаксов, содержит книга известного археолога (будущего директора Британского музея) сэра Давида МакКензи Вильсона «Англосаксы» [4]. Автор приводит тезис своего коллеги Е. Т. Лидса о том, что «местоположение англосаксонских кладбищ... никак не соотносится с системой римских дорог; пришельцы продвигались в глубь страны и селились по долинам рек» и развивает его: «Подобное равнодушие большей части саксов к реалиям римской Британии – ее повседневной жизни, системе коммуникаций и виллам, ее организованной армии и централизованному правлению – является интересной и необъяснимой особенностью их расселения (is an interesting and unexplained feature of their settlement)» [4, p. 41]. В главе «Сельские поселения» Д. М. Вильсон вновь возвращается к данному тезису. Он подчеркивает: «...не может быть никаких сомнений, что идея виллы с ее организованным производством и сельским хозяйством была неприемлива для сакса-индивидуалиста (was anathema to the individualistic Saxon). Англосаксонская экономика, по крайней мере языческого периода, была прочно основана на деревне; римские города и виллы в значительной степени игнорировались (the Roman towns and villas were to a large extent ignored)» [4, p. 71].

Таким образом, своеобразная картина расселения, представленная археологическими памятниками, позволяет сформулировать рабочую гипотезу: англосаксы при расселении не использовали сложившуюся инфраструктуру, потому, что форматировали пространство, исходя из собственных представлений о нем. Первый этап отражен в новой топонимике, второй – в законах и королевских хартиях.

Методы исследования. В статье использованы следующие методы исследования: *кластеризация* (формирование кластеров, связанных с топонимикой, законами и хартиями) и *историко-семантический анализ* объектов, включенных в кластер, *метод классификации* (отнесение объектов пространства к определенной группе на основе заданного признака) и *шкалы оценок* (распределение объектов пространства по степени выраженности общего для них свойства: различные штрафы за нарушение *tund'a*).

Отражение формирования локального пространства в топонимике. Первоочередному формированию подверглось ближайшее (локальное) пространство. Свидетельством начавшегося процесса можно считать появление на карте острова новых (неримских и небриттских) названий. Древнеанглийская топонимика с параллельным переводом на латинский язык была зафиксирована в упоминавшейся «Церковной истории народа англов».

Выборка названий на латинском и древнеанглийском языках выглядит следующим образом:

«...in loco celeberrimo, qui dicitur Degsastán, id est Degsa lapis – в знаменитом месте, которое называется Дегсастан, т. е. “камень Дегсы”» (I, 34). В данном контексте речь идет о битве между королем скоттов Айданом и королем Нортумбрии Этельфридом, имевшей место в 603 г. Тот факт, что место обозначено не по именам участников сражения, позволяет предположить, что название «камень Дегсы» появилось несколькими годами или десятилетиями раньше, т. е. в VI в.

«...in loco, qui lingua Anglorum Denisesburna, id est riuus Denisi, uocatur – в месте, которое на языке англов Денисесбурна, т. е. “ручей Дениса”, называется»

(III, 1). В данном контексте речь идет о битве короля Нортумбрии Освальда и короля бриттов Кэдваллы, произошедшей после 634 г. То, что название не связано ни с одним из участников сражения, позволяет предположить, что топоним появился в VI в.

«...in uico regio, qui dicitur Rendlæs-**ham**, id est **mansio** Rendili – в королевском вике под названием Рендлесхам, или Дом Рендила» (III, 22). Обозначена королевская резиденция, расположенная в месте, не связанном с римской инфраструктурой – место расселения рода или семьи Рендила (древнеанглийский термин *ham*, обозначающий дом, соотносится с латинским термином *mansio*, обозначающим местопребывание, дом). Кроме того, когда речь идет о переименования римских поселений, Беда приводит прежнее название. Здесь оно не названо. Значит речь идет не о римском (*vicus*, -i m), а об англосаксонском поселении (*wic*).

«...in loco, qui usque hodie lingua Anglorum Augustinaes æc, id est robur Augustini – в место, которое доньше [называется] на языке англов Августинес Ак, т. е. “Августинов Дуб”» (II, 2). Появление топонима связано с деятельностью Августина Кентерберийского, крестителя Кента, и потому может быть уверенно отнесено к началу VII в.

«...in loco, qui lingua Anglorum nuncupatur **Maser-felth** – ...в месте, которое на языке англов называется Мазерфельт» (III, 9).

«...campo, qui uocatur **Haeth-felth** – на поле, которое называется Хэтфельт» (II, 20).

«Uocatur locus ille lingua Anglorum **Hefen-felth**, quod dici potest latine caelestis campus. – Называется место это на языке англов Хэвенфельд, что можно передать на латыни (как) небесное поле» (III, 2).

Особого внимания заслуживает сектор пространства поле: *felth* (из прото-германского языка – **feld*). В приведенных фрагментах содержатся названия трех полей: **Maser-felth**, **Haeth-felth** и **Hefen-felth**. Слово *maser-* в приводимой источником транскрипции в словарях отсутствует, а перевод названия на латинский язык Беда не предлагает. Композит *heathfelth* переводу поддается: *heath-* – война; слово в целом – поле боя. Традиция, связанная с подготовкой древними германцами поля для битвы зафиксирована во многих латинских источниках. Название поля *hefenfelth* Беда переводит на латинский язык как *caelestis campus*. Кроме того историк указывает на то, что название появилось в древние (дохристианские – ?) времена.

Появление новых поселений, полей с собственными названиями, а также пространственных ориентиров, названия которых связаны с недавней историей англосаксов (Камень Дегсы, Ручей Дениса, Августинов Дуб) может служить свидетельством того, что процесс организации пространства имел место. Причем происходил он путем определения границ данного пространства при помощи ориентиров.

Кресты. Еще одним инструментом организации пространства была практика установления каменных крестов, некоторые из которых были весьма внушительными (высота Рутвельского креста составила 18 футов, или 5,5 м). Возводили их не только англосаксы, но и их соседей – скотты и пикты.

Роль данных крестов дискутируется. Сложность ее определения связана с тем, что во время Реформации множество крестов было разбито, а уцелевшие перемещались верующими на церковные дворы. В любом случае, крест вырывался из окружающей его среды, что затрудняет анализ исполняемой им роли. Возможно

кресты обозначали место для проповеди, а также место, на котором будет стоять новый храм.

Правда Д. Вильсон по этому поводу замечает, что «среди этих крестов попадаются настолько богато (украшенные), что на те средства и за то же время, которое требовалось для их возведения, можно было построить небольшую деревянную церковь» [4, р. 60]. В качестве рабочей гипотезы можно принять следующее предположение – функция крестов состояла в привлечении к этому месту божественной благодати.

Особое место Рима. Наконец, в древнеанглийском восприятии присутствовал сектор, осуществлявший максимально возможную связь с небесным царством – город Рим. Сектор этот актуализировался во 2-й половине VII – начале VIII вв. Именно в это время, как сообщает Беда, ряд англосаксонских королей, по достижении преклонных лет оставляли престол и переезжали в Рим, где принимали монашеский постриг:

IV, 7: «В год от воплощения Господа 670-й, на второй год после прибытия в Британию Теодора, король нортумбрийцев Освиу был поражен болезнью, от которой умер в возрасте пятидесяти восьми лет. К тому времени он стал настолько привержен римским и апостольским обычаям, что дал обет в случае выздоровления от недуга удалиться в Рим и закончить жизнь там, среди святых мест»;

V, 7: «В третий год царствования Альдфрида король западных саксов Кэдвалла, со славой правивший своим народом два года, оставил трон из любви к Господу и отправился в Рим для стяжания вечного Царства... Когда Кэдвалла отправился в Рим, трон унаследовал его родич Ине. После тридцати семи лет правления западными саксами он также оставил королевство наследникам и прибыл в город блаженных апостолов в понтификат Григория, чтобы провести остаток земной жизни в паломничестве по святым местам и быть потом с большей радостью встреченным святыми на небесах. В то время многие англы, знатные и простые, миряне и клирики, мужчины и женщины, стремились сделать то же самое»;

V, 19: «В четвертый год царствования Осреда Кенред, с честью правивший некоторое время Мерсийским королевством, отказался от трона ради еще большей чести. Он отправился в Рим во время понтификата Константина, принял постриг и стал монахом в апостольском городе, где оставался до конца жизни, занятый молитвами, постом и благотворительностью».

Отражение формирования локального пространства в законодательных памятниках и королевских хартиях. Второй этап форматирования локального пространства фиксируют законы и хартии о передаче земель. Наибольший интерес для рассмотрения вопросов, связанных с организацией пространства представляют следующие статьи «Законов Этельберта» [5, р. 4–17]:

3. *Gif cyning mannes ham drincæþ, and ðær man lÿswæs hwæt gedo, twibote gebete.*

3. Если король пьет в чьем-нибудь доме, и там кто-нибудь совершит какое-нибудь злодеяние – пусть выплатит двойную компенсацию.

5. *Gif in cyninges tune man mannan of slea, L scill gebete.*

5. Если в королевской усадьбе кто-либо кого-либо убьет, пусть выплатит 50 шиллингов.

13. *Gif on eorles tune man mannan ofslæhþ, XII scill gebete.*

13. Если кто-либо убьет кого-либо в усадьбе эрла – заплатит 12 шиллингов.

17. *Gif man in mannes tūn ærest geirneþ, VI scillingum gebete.*

17. Если кто-либо первым ворвется в чью-либо усадьбу – заплатит 6 шиллингов.

27. *Gif friman edorbrecþe gedep, VI scillingum gebete.*

29. *Gif friman edor geganged, III scillingum gebete.*

27. Если свободный человек сделает **пролом в ограде**, пусть уплатит 6 шиллингов.

29. Если свободный человек ворвется за **ограду** – заплатит 4 шиллинга.

Исходя из данных статей можно выделить три значимых элемента локального пространства: 1) дом (*ham*); 2) усадьба (*tun*); 3) ограда (*edor*).

Первый элемент, дом, хорошо известен по археологическим раскопкам [6, р. 17–66].

Второй элемент, усадьба, является трехуровневым и последовательно соотносится с королем – штраф 50 шиллингов, эрлом – штраф 12 шиллингов, и, возможно, кэрлом. Прямая информация об усадьбе кэрла в законах Этельберта отсутствует. Но указанный в статье 17 штраф в 6 шиллингов не может быть соотнесен ни с королем, ни с эрлом. Остается только один вариант – кэрл. Косвенным доказательством связи штрафа в 6 шиллингов с кэрлом является штраф в 6 шиллингов за нарушение покровительства кэрла. Установление величины штрафа в зависимости от места, занимаемого в обществе владельцем усадьбы, позволяет определить этот сектор как «статусная территория».

Нерушимость третьего элемента, ограды, охраняется законом (физическое повреждение карается штрафом в 6 шиллингов, простое нарушение границы – штрафом в 4 шиллинга). Т. е. имеет место сочетание физической и юридической форм защиты дома.

Законы Этельберта устанавливают особый штраф за нарушение покровительства, определяемого словом *mundbyrd*. В законах *mundbyrd* присутствует в двух вариантах: конунга и кэрла. В первом случае штраф составляет 50 шиллингов, во втором – 6 шиллингов (статьи 8, 15). Ожидаемый *mundbyrd* эрла размером в 12 шиллингов законодательно не зафиксирован, но он, скорее всего, был.

Тот факт, что штрафы за нарушение мира на территории усадьбы и за нарушение покровительства совпадают и выстраиваются в похожие иерархические системы, позволяет высказать предположение, что само покровительство может рассматриваться как социальное пространство, основанное на личных связях между охваченными им объектами.

Более поздние кентские законы королей Хлотаря и Эдрика (685 г.) [5, р. 18–23] также содержат весьма интересную информацию, связанную с формированием локального пространства.

В статье 5 в качестве обязательного условия присяги приводится следующее: «Каждый из соприсяжников должен быть из той же деревни, что и он = *æt þam tune þe he toheru*». В результате термин *tun* помимо «усадьбы» приобретает еще одно значение социально-юридического характера «деревня». Учитывая, что оба судебного кодекса происходят с одной территории, написаны на одном диалекте, но разделены как минимум 80-летней временной дистанцией, можно предположить, что за это время произошло значительное расширение значения слова *tun*, вызванное необходимостью оформить новый сектор пространства.

В статье 7 терминологически определяется место, куда необходимо явиться для решения имущественных споров (речь идет о краденном имуществе и имуществе, приобретенном в Лондоне, но опознанном как краденное): *cuninges sele*. Можно предположить, что этот «зал конунга» находится в его резиденции. Подробное историко-археологическое описание королевской резиденции Йаверинг

содержит сводный отчет о раскопках «Йаверинг: англо-бриттский центр ранней Нортумбрии» [7].

Весьма интересной для анализа древнеанглийского восприятия пространства представляется статья 28 законов Уитреда (695/696 г.) [5, р. 24–31]: «Если **издалека пришедший человек или чужак идет в стороне от дороги** и не кричит, и не трубит в рог, то следует считать его вором: либо его нужно казнить, либо пусть выкупится = *Gif feorran[-]cumen man oþþe fræmde buton wege gange, 7 he þonne nawðer ne hryme ne he horn ne blawe, for ðeof he bið to profianne, oþþe to sleanne oþþe to alysenne*».

Как можно видеть статья: 1) определяет дорогу (*weg*) в качестве одного из необходимых маркеров для обозначения «своего» (вторым маркером является крик и звук рога); 2) проводит дифференциацию среди «чужих». В одном случае говорится о человеке, пришедшем издалека (*feorran[-]cumen man*), что позволяет воспринимать последнего как того же кентца, только живущего в другом поселении. Во втором случае речь идет о выходе из чужой страны (*fræmde*).

Таким образом, можно заметить, что: 1. форматирование окружающего пространства привело к его зонированию (ближнее – дальнее), причем внешнюю границу ближнего пространства определяли при помощи ориентиров; 2. зонирование пространства необходимо связано с определением **межзональной и внешней границ**.

Информация из кентских сборников законов хорошо коррелирует с записью законов западных саксов, сделанной между 688 и 695 гг. при короле Инэ [5, р. 36–61].

Статья 20 судебника Инэ почти дословно повторяет статью 28 законов Уитреда. Однако, она содержит одно весьма важное уточнение. Если «чужестранец» определяется таким же словом, *fremde*, то человек, пришедший издалека, определяется иным словом: *feorcund* (человек, *происходящий* (а не *пришедший*) из другого места). Данное уточнение более строго проводит межзональную границу по принципу происхождения в том или ином месте.

Непосредственное отношение к организации локального пространства имеют некоторые англосаксонские хартии.

Особый интерес при этом представляет двойная хартия кентского короля Хлотхера, изданная в мае 679 г. в связи с передачей аббату Беортвальду (*Beorhtwald*) земель на острове Танет и в районе Саррей (*Sturia*) [8, р. 70–71]. По мнению Дороти Уайтлок этот документ является самой ранней хартией, чей оригинал сохранился [9, р. 482].

Обращает на себя внимание формальная сторона оформления передачи земли. Действие производится во имя Христа (*In nomine domini nostri salvatoris Jhesu Christi*) королем (*Ego Hlotharius rex Cantuariorum*) для спасения своей души (*pro remedium animae meae*). Передается земля с полями, пастбищами, лесами, рыбными ловами (*campis pascuis meriscis siluis modicis fonnis piscaris*). Границы территории определяет сам король и его уполномоченные (*juxta notissimos terminos a me demonstratus et procuratoribus meis*). Тот, кто выступит против этого дарения, будет отринут от всех христиан (*quisquis contra hanc donationem venire temptaverit sit ab omni Christianitata separatus*) и лишен тела и крови Христа (*et a corpore et sanguini domini nostri Jhesu Christi suspensus manentem*). Подписана хартия знаком креста королевской рукой (*et pro confirmatione ejus manu propria signum sanctae cruces expraessi*). Совершена в городе Реквульф (*actum in civitate recuulf*). По такой же схеме составлено дарение в районе Саррей.

Таким образом, данная хартия показывает, что границы внутри страны

устанавливаются королем и его уполномоченными, т. е. как можно предположить в свете уже изложенного материала, королем и назначенными им руководителями отдельных территорий. Автор хартии безусловно был христианином, а значит знал о существовании прокуратора Понтия Пилата, и о том, что термином прокуратор обозначался наместник провинции. Можно вполне обоснованно предположить, что в данном случае был заменен какой-то термин англосаксонского права.

Выводы. Исторические источники, относящиеся ко времени переселения англо-саксов в Британию и первых столетий их пребывания на новой родине показывают, что прибывшие племена не использовали сложившуюся на острове римско-бриттскую инфраструктуру. Они формировали окружающее их пространство, исходя из собственных предпочтений.

Первоначальным этапом при этом стало присвоение наиболее заметным элементам ландшафта собственных имен. Основным критерием при этом, как показывает пример «Дуба Августина», была соотносимость элемента со значимой фигурой в истории общества.

Следующим этапом стало зонирование окружающего пространства, определение его межзональных и внешних границ. Безопасность перемещения из одной зоны в другую обеспечивалась маркерами: пространственно-визуальными (дорога) и звуковыми (звук рога или крики). Практически дословное совпадение статей в кентском и уэссекском судебныхниках указывает на широкое распространение данного явления.

Пространство страны включало в себя отдельные территории, имевшие законодательно закрепленный статус: резиденции, укрепления, деревни, дворы. Центром была королевская резиденция с расположенным в ее пределах залом, в котором конунг реализовывал свою судебную функцию.

Отдельную систему составляло пространство опеки, обозначенное термином *tundbyrd*. Оно распадалось на три уровня: короля, эрла, кэрла.

Библиографические ссылки

1. Baedae opera historica with an English translation by J. E. King. Vol. 1–2. Cambr., Mass., 1930. – XXV, 595 p.; IX, 517 p.
2. Dumville D., Keynes S. The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Vol. 5: MS. C. Cambridge, 2001.
3. Briggs K. The two Ebbsfleets in Kent // Journ. of the English Place-Name Society. 2012. Vol. 44. P. 5–9.
4. Wilson D. M. The Anglo-Saxons. L.: Thames and Hudson, 1960.
5. Attenborough F. L. The Laws of the Earliest English Kings. Cambridge : University Press, 1922.
6. Hamerow H. Rural Settlements and Society in Anglo-Saxon England. Oxford: OUP, 2012.
7. Hope-Taylor B. Yeavinger. An Anglo-British centre of early Northumbria. English Heritage, 1977.
8. Birch W. de G. Cartularium Saxonicum. A Collection of Charters Relating to Anglo-Saxon History. Vol.1: A. D. 430–839. Johnson Reprint Corporation, 1885.
9. English Historical Documents c. 500–1042. N. Y., Oxford : University Press, 1955.

ЖИТИЕ ГРИГОРИЯ ВЕЛИКОГО В «МИРИБИБЛИОНЕ»

ПАТРИАРХА ФОТИЯ (COD. 252)

А. А. Логвинова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия,
aleksandra.kostyukovich@mail.ru

Фотий I Константинопольский – самый образованный человек и интеллектуал IX века. Чтобы оценить роль Фотия в византийском возрождении девятого столетия, необходимо рассмотреть хотя